

ЧЕХОВ БЕЗ ДУРАКОВ

Андрей Житинкин - режиссер для заядлых театралов, пристально следящих за разворачиванием культурного процесса на современном этапе, фигура культовая. Его постановки нередко эпатажны, скандальны, но всегда интересны. Критики его беспощадно ругают, а актеры боготворят. Кого-то он сделал звездой, о ком-то заставил говорить после многолетнего забвения. Уживаясь со славой почти что маргинального режиссера, Житинкин не только продолжает удивлять и радовать своего зрителя неординарными творческими находками, но и много читает, планирует. **О теневой стороне творческой жизни модного молодого режиссера мы расспросили Андрея ЖИТИНКИНА на празднике, посвященном 130-летию импрессионизма.**

- Только что в издательстве «Астрель» со множеством опечаток вышла в свет моя книга «Плейбой московской сцены». Пришлось ее перечитать самым внимательным образом, чтобы во второе издание не попали некоторые неточности.

Но читаю я не только самого себя. Счастлив, что имею возможность читать сейчас совершенно другого Пелевина. Я ставил на сцене пьесы по произведениям таких во многом скандальных писателей, как Сорокин, те же Телевин и Волохов. Мне казалось, что эти ребята играют, эпатируют. Они на самом деле здорово изменились.

Из имен мирового значения, должен признаться, такие культовые писатели, как Мураками, Коэльо, на меня не произвели впечатления.

Петер Ханде - австрийский абсурдист космического масштаба, Умбэрто Эко - вот кто занимает мое внимание. По Владимиру Набокову, литература - это игра. Когда в книге есть игра - я за это.

О российской классике можно говорить долго. Хотелось бы упомянуть, быть может, не столь популярный ныне эпистолярный жанр. Мне приходилось читать письма Чехова, Пушкина. Когда же ставил «Анну Каренину», пришлось невольно почитать изданные письма Льва Толстого, его дневники. Они поразили меня, с одной стороны, мощью, глубиной проникновения сознания, с другой стороны, поразительной противоречивостью и честностью.

Вообще же к классике XIX - начала XX века отношусь трепетно. В Бостоне я поста-

вил чеховского «Дядю Ваню» в несколько необычном ракурсе, показав, как главный герой последовательно приближается к суициду. Для меня Дядя Ваня - суицидник. Конечно, в России такой спектакль вряд ли бы вышел. Но, возможно, я поставлю на отечественной сцене другие произведения Чехова - без дураков.

И конечно же еще совершенно не открытый в нашей драматургии Борис Пастернак. Мечтаю поставить «Доктора Живаго» именно так, как он написан. В ткань спектакля хотел бы вставить и драматическую канву жизни самого писателя...

**Беседу вел
Александр НЕФЕДОВ**
Фото
Константина КАПУНОВА